

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВКГЕЛО
В ПОСВЯЩЕННЫХ ЕЕ ЖИЗНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. РЕМИЗОВА

Б. Б. Бунич-Ремизов

Мне уже пришлось однажды вслед за О. П. Раевской-Хьюз¹ писать о том, что образ и детали жизни Серафимы Павловны были в творчестве Алексея Михайловича мифологизированы не только им, но, думается, во многом и самой Серафимой Павловной.² В настоящем сообщении я рискну продолжить эту гипотезу на материале того, как изображены Алексеем Михайловичем некоторые персонажи из круга лиц, близких Серафиме Павловне с детских лет – и сопоставить с тем, как все оно было на самом деле. Такое сопоставление мне представляется тем более правомерным, что по свидетельству самого Алексея Михайловича цикл произведений “Оля” – о детстве и юности Серафимы Павловны написан им именно с ее слов.³ А как это было в реальной жизни – отчетливо помню со слов воспитавшей меня и мою мать младшей сестры Серафимы Павловны – Лидии Павловны Довкгело. Кстати, названная в “Оле” и во “В розовом блеске” Леной, она изображена с такими точными деталями ее характера, например, ее любви к котам,⁴ которых я – еще живой свидетель.

Дело специалистов-ремизоведов судить о том, почему те или иные факты жизни и судеб, берестовецкого окружения Серафимы Павловны

¹ Раевская-Хьюз О. Образ С. П. Ремизовой-Довгелло в творчестве А. М. Ремизова: К постановке проблемы // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб. 1994, с. 9-10.

² Бунич-Ремизов Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Там же, с. 271.

³ Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1952, с. 281.

⁴ Там же, с. 258.

мифологизированы, а другие – нет, что считать именно мифологизацией, а что – художественным вымыслом. В мою задачу входит лишь отметить не соответствующие действительности места из обоих названных циклов произведений, а также из примыкающего к ним раннего рассказа Алексея Михайловича “Мака”, посвященного детству моей матери в Берестовце, в котором Серафима Павловна впервые названа Олей.

Позволю себе начать с того, что, по-моему, является несомненно мифом, созданным именно самой Серафимой Павловной: с года ее рождения. В “Задоре” – последнем разделе цикла “В розовом блеске” – назван то ли 1880-й, то ли 1883-й.⁵ На самом же деле – это год 1876-й. Следует отметить, что при жизни Серафимы Павловны Алексей Михайлович не был, видимо, склонен придерживаться этого мифа: в “Оле” разница лет между сестрами и братом Ильменевыми – так названа тут семья Довгело – указана правильно.⁶

Кое в чем мифологизирован, как мне представляется, образ отца Серафимы Павловны – Павла Ивановича, названного в обоих циклах Александром Павловичем. В “Оле” сказано, что у него борода длинная и белая, а в “Задоре” он назван генерал-майором и участником 2-й русско-турецкой войны 1877–1878 годов.⁷ Однако, на всех хранящихся у меня его фотографиях, даже поздних, у него лишь усы – а не борода – и погоны не генеральские, а майорские. К тому же в годы 2-й русско-турецкой войны он был уже в отставке и с начала 1870-х гг. занимал видное положение в Черниговской губернии, в состав которой входил Берестовец; был председателем уездной земской управы, а позже членом губернской земской управы.

Мифом является и многое из того, что сказано во 2-м цикле романов о поляке Сташкевиче.⁸ Под такой фамилией выведен глава самой близкой сестрам Довгело семьи в уездном городе Борзне – Иосиф Николаевич Богатко. За сведения о нем я также твердо ручаюсь, т. к. знаю их со слов его младшей дочери – моей крестной Веры Иосифовны, которая во 2-м цикле названа Соней. Последние 30 лет ее жизни она провела рядом со мной. Итак И. Н. Богатко был участником польского восстания 1863 г., после поражения которого его выслали в Украину. И лишь тогда он встретился со своей будущей женой Евфросинией Ивановной Товстолес – ее отец упомянут во 2-м цикле под фамилией Дорохов. Таким образом,

⁵ Там же, с. 397.

⁶ Там же, с. 248; Ремизов А. Оля. Париж, Изд-во Вол, 1927, с. 21, 55, 59, 61.

⁷ Там же, с. 12; Ремизов А. В розовом блеске, с. 388, 404, 405.

⁸ Там же, с. 234-237.

ради любви Сташкевич-Богатко родиной своей не пожертвовал. Тем более не был он черносотенцем – вряд ли ссыльный поляк мог таковым быть вообще. И похоронен он не в имении, которого у семьи Богатко никогда не было, а на ныне снесенном кладбище Борзны. На могилах его, его жены и старшей дочери, пока они существовали, я с Верой Иосифовной бывал не раз.

Кстати, насколько хорошо знал Алексей Михайлович о близости – причем особой – семей Довггело и Богатко, видно из того, что в “Маке” мать и сестры Серафимы Павловны названы именами женщин семьи Богатко.

Еще одна деталь в описании берестовецкой усадьбы, которую, думается, следует отнести к мифу – наличие в усадьбе Ильменевых-Довггело книжной башни, которая в обоих циклах упоминается не раз.⁹ Достаточно определенное подтверждение тому, что это миф – незаконченные воспоминания единственного брата Серафимы Павловны – Сергея Павловича, который назван в 1-м цикле Мишей, а в “Маке” – дядей Андреем. Рукопись этих воспоминаний передана мной в Пушкинский Дом РАН. Там, в частности, сказано: “Дом, выстроенный более 40 лет назад [т. е. в конце 1860-х гг.] стоит незаконченным”. Чтоб при незаконченном доме была выстроена башня – представляется сомнительным. Но даже если это и не миф, то поскольку об этой башне Лидия Павловна никогда – ручаюсь в этом! – не упоминала, вполне возможно, что она рухнула от ветхости до рождения Лидии Павловны: она моложе Серафимы Павловны на 3,5 года. Такое предположение возможно на том основании, что впоследствии рухнул потолок в гостиной берестовецкого дома – о чем не раз напоминали и Вера Иосифовна и другие коренные берестовчане, с которыми мне при их жизни часто приходилось общаться.

Наконец – еще один миф, созданный, скорее всего, задолго до рождения Серафимы Павловны и повторенный в “Задоре”: мол, ее предок по матери Самойлович был украинским гетманом, сторонником Мазепы, за что оказался высланным в Сибирь – а потомки его каким-то образом попали в Кострому, где и родилась мать Серафимы Павловны – Александра Никитична, названная в обоих циклах Натальей Ивановной.¹⁰ Лишь недавно, по выходе в свет репринтного издания 4-го тома книги В. Модзалевского “Малороссийский родословник” выяснилось, что предки Серафимы Павловны по материнской линии в лучшем случае лишь дальние родственники гетмана, а может быть и просто однофамильцы, которых

⁹ Там же, с. 385-387, а также о доме с белыми башнями в начале “Оли” (с. 9).

¹⁰ Ремизов А. В розовом блеске, с. 393.

никуда не выслали. С конца XVII века целое столетие они жили в Прохорах – имении Самойловичей того же, что и Берестовец, Борзенского уезда. И каким образом дед Серафимы Павловны по матери – Никита Павлович, названный в “Оле” Иваном Васильевичем, оказался учителем математики в Костроме – остается невыясненным.¹¹

Дальнейшее следует, видимо отнести лишь к неточностям. Так, во 2-м цикле романов сказано, что мать Серафимы Павловны умерла в последний год Первой мировой войны – т. е. в 1918 г.¹² Но отчетливо помню со слов и Лидии Павловны, и Веры Иосифовны, что Александра Никитична умерла до октябрьского переворота – т. е. не позже осени 1917 г. Двоюродной сестрой Александры Никитичны – Наталии Ивановны в “Оле” названа Мария Петровна Вольская.¹³ Для Александры Никитичны двоюродными братьями и сестрами могли быть только дети Елизаветы Михайловны Крыловской – единственной замужней сестры Марии Михайловны Самойлович – бабушки Серафимы Павловны. Обе они в “Оле” названы соответственно Евгенией Алексеевной и Татьяной Алексеевной. Однако, у Елизаветы Михайловны – Евгении Алексеевны был лишь единственный сын. Поэтому на самом деле под именем Марии Петровны выведена его жена. Косвенное тому доказательство – что в “Оле” же Мария Петровна обращается к Наталии Ивановне на Вы и по имени-отчеству.¹⁴ К сестре вряд ли бы так обратились. И последняя неточность, связанная, скорее всего, с тем, что Алексей Михайлович недостаточно знал украинский язык. Это заметно в тех эпизодах 2-го цикла романов, где описано пренебрежительное отношение соседки Ильменевых – г-жи Боровой и ее детей к мужу. Она его называет “моя худоба” – слово, которое переведено Алексеем Михайловичем неточно: “худоба” по-украински означает не “имение”¹⁵ – а “скотина”, что звучит еще более уничижительно для Борового. А вот то, что сыновья называли его “Батько”, ничем не унижает адресата: Батько по-украински означает не предок,¹⁶ а именно отец, и батьки – во множественном числе – родители. Т. е. ничего обидного для Борового в этом обращении нет.

¹¹ Так как это репринтное издание книги Модзалевского имеется лишь в главной библиотеке России – за сообщение о сказанном благодарю мою единственную родственницу по линии Самойловичей – Е. А. Стеценко-Алпатову.

¹² Ремизов А. В розовом блеске, с. 363.

¹³ Ремизов А. Оля, с. 13.

¹⁴ Там же, с. 17.

¹⁵ Ремизов А. В розовом блеске, с. 178.

¹⁶ Там же, с. 177.

И последнее: к настоящим именам некоторых прототипов персонажей обоих циклов из окружения семьи Ильменевых-Довггело позволю себе добавить еще одно: настоящее имя гостыи берестовецкого дома, которая в "Оле" носит необычное имя-отчество Александрия Кенсориновна.¹⁷ Отчетливо помню рассказы Лидии Павловны о том, что у них часто гостила соседка, которую звали так же необычно: Филиппия Фортунатьевна. Видимо, она и имеется в виду – т. е. необычное имя-отчество вполне мотивированно.

В заключение стоит, по-моему, обратить внимание на то, что отдельные родные и близкие Серафимы Павловны крайне редко, но в обоих циклах названы своими настоящими именами: умерший до рождения Серафимы Павловны ее брат Ваня, старшая дочь Сташкевича-Богатко Лена, студент из круга берестовецкой молодежи Бордонос...

Хотелось бы надеяться, что настоящее сообщение когда-нибудь послужит материалом для некоторых фактических комментариев к новым изданиям "Оли", "В розовом блеске" и "Маки".

¹⁷ Ремизов А. Оля, с. 31 и др.